

УДК 930.1(091)

doi: 10.17072/2219-3111-2017-3-56-63

ШКОЛА ЛОТМАНА: ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ НА СОВЕТСКОЙ ПОЧВЕ

И. В. Нарский

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76
inarsky@mail.ru

Предпринята попытка интерпретации одного из интеллектуальных сообществ в СССР – тартуско-московской школы – как одновременно европейского и советского феномена. Хотя библиография о школе Лотмана и самом Лотмане весьма обширна, вопрос о советском семиотическом направлении как специфически функционировавшем интеллектуальном сообществе обсуждался редко. Исходя из идеально-типической характеристики интеллектуалов, систематически изложенной в работах немецкого социолога Б. Гизена, делается вывод о том, что описанные им организация и коммуникативные процедуры интеллектуальных сообществ в целом могут быть использованы при характеристике школы Лотмана. Имеется в виду прежде всего обеспечение ее самоизоляции и дистанцирования от власти, официальной науки и официальной ученой аудитории с целью сохранения автономии. Вместе с тем у тартуско-московской школы были особенности, сложившиеся благодаря специфическим, советским, условиям существования. Сохранение дистанции по отношению к власти объяснялось и враждебно-подозрительным отношением ее к группе приверженцев семиотики. Недоброжелательное отношение и подозрительность, угроза преследований и преследования усиливали желание самоизолироваться, чтобы сохранить свободу. Неблагоприятные внешние условия породили тягу к специфическому, непонятному для цензуры, «тайному» языку и нежелание участвовать в политике, провоцировали на конструирование научных традиций в обход традиций советских и на союзы с авторами сомнительных идей. Стремление к самоизоляции вкуче с ограничениями научной коммуникации, неизбежными в условиях «железного занавеса», могут рассматриваться и как одна из причин того, что участники школы Лотмана не заметили или проигнорировали ряд продуктивных научных идей, подготовивших антропологический поворот в гуманитарных науках.

Ключевые слова: интеллектуалы, тартуско-московская семиотическая школа, «школа Лотмана», культурное кодирование, научная коммуникация.

В статье, опубликованной в 2006 г. в журнале «Новое литературное обозрение», французский социолог и историк Алексей Берелович обратил внимание на феномен, который он обозначил как «культ личности» в позднесоветском интеллектуальном сообществе [Берелович, 2006]. Суть феномена состоит в том, что в Советском Союзе 1950-х – 1980-х гг. наблюдалось особое, граничащее с культом, почтение к ряду ученых, поддерживавшееся в интеллектуальном сообществе прижизненно и посмертно. К таким фигурам А. Берелович относит нескольких всемирно известных философов, литературоведов, историков культуры: С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, А.Ф. Loseва, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, М.К. Мамардашвили. Образование закрытых кружков почитателей не являлось советской спецификой, но имело некоторые специфически советские черты: «Такие явления, как формирование групп посвященных или ритуализация интеллектуальной жизни, присущи отнюдь не только советской интеллигенции. Если говорить о Франции, следует вспомнить о культе, который окружал в разное время Лакана или Фуко, об очень замкнутом кружке Альтюссера и его учеников и так далее. Так что предложенный мной подход отнюдь не диктуется российской (советской) спецификой. В то же время некоторые особенности интеллектуальной жизни Советского Союза – а именно отсутствие публичного пространства и существование официальной идеологии, претендующей на научность, – и способствовали, на мой взгляд, развитию тех форм, которые принимал этот своеобразный культ» [Берелович, 2006].

Тем самым Берелович формулирует проблему, которая будет очерчена дальше: современные представления об одном из таких интеллектуальных сообществ в СССР – тартуско-московской школе – как одновременно европейском и советском феномене. Хотя библиография исследований

о школе Лотмана и самом Лотмане весьма обширна, вопрос о советском семиотическом направлении как специфически функционировавшем интеллектуальном сообществе обсуждался редко [Егоров, 1999; Кван, 2003; Waldstein, 2008]. Это объясняется отчасти и определенным А. Береловичем «культом личности» ряда советских ученых-гуманитариев, препятствующим его изучению с критической дистанции [Жлоковский, 1998; Зенкин, 2006; Живов, 2009]. В статье речь пойдет, таким образом, не об истории московско-тартуской семиотики и не о летних школах в Эстонии 1960-х – 1970-х гг., а лишь об одной весьма специфической проблеме – о европейски универсальном и по-советски уникальном в функционировании одной из наиболее известных интеллектуальных групп в позднем СССР.

Интеллектуалы – жалующиеся герои

Насколько же школа Лотмана была феноменом европейского интеллектуализма? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, кажется целесообразным сконструировать некие идеальнотипические ориентиры для сопоставительного анализа. А для этого – обратиться к современным социологическим представлениям об интеллектуалах, их функциях и месте в европейских обществах.

При решении обозначенной задачи имеет смысл опустить тонкие концептуальные различия, сложившиеся в рамках социологии знания, и сосредоточиться на типичных чертах интеллектуалов, систематически изложенных в исследованиях немецкого социолога Бернхарда Гизена, которому принадлежит плодотворная попытка развития, в частности, переформулирования, социологии знания интеллектуалов [Giesen, 1993, 1999]. Прежде всего он рассматривает интеллектуалов как сугубо европейское явление и определяет их как «критически рефлексирующую группу в напряженном противостоянии политической элите» [Giesen, 1993, S. 68]. Это определение интеллектуалов не соответствует смыслу обыденных словоупотреблений термина. Такие показатели, как высокий IQ, образовательный статус, уровень эрудиции, обладание экспертным знанием, не входят в перечень непрременных характеристик интеллектуалов. Согласно концепции Гизена, интеллектуалы представляют собой дискурсивные сообщества, претендующие на миссию конструирования коллективного прошлого, настоящего и будущего, т.е. производства коллективных идентичностей – национальных, классовых, гендерных и пр. Следует подчеркнуть, что интеллектуалы воспринимают себя в качестве носителей, хранителей и глашатаев «священного» знания о перспективах развития общества (будь то, например, идеологии национализма или футурология бесклассового общества), лежащего, как правило, за пределами их профессиональной компетенции. Кроме названного в число характерных черт европейских интеллектуалов следует включить двойственное отношение к государству и обществу, сочетавшее дистанцирование и стремление к преодолению дистанции, а также поддержание самоизоляции собственной группы.

Б. Гизен рассматривает группы интеллектуалов – конструкторов национальной идентичности – на примере немцев XIX – начала XX в. С некоторой дистанции от окружающего общества, нередко отражающей (и определяющей) их изоляцию и социальную «беспочвенность», они создавали образы народа и нации, предполагающие ощущение единства и целостности в условиях неуверенности и ненадежности, порождаемых современностью. Возникшие первоначально и циркулировавшие в узких интеллектуальных кружках (фаза А национального движения в терминологии М. Гроха [Hroch, 1968]), их концепции популяризировались в обществе в упрощенной форме, что заставляло следующее поколение интеллектуалов дистанцироваться от тривиализации и вновь конструировать новые проекты национальной идентичности.

Различая несколько типов кодирования, с помощью которого конструируется общность, Б. Гизен особое внимание уделяет культурному кодированию как главному оружию интеллектуалов как дискурсивного сообщества. Именно культурное кодирование создает иерархии и приписывает свойства, «конструирует границы с помощью особой привязанности к неизменной и вечной области священного и возвышенного – все равно, определяются ли они как бог или разум, прогресс и рациональность» [Giesen, 1993, S. 60].

По мере увеличения и усложнения социума культурное кодирование может приобретать агрессивные черты. В растущем сообществе культурное кодирование «открывает границы практике завоевания, миссии и педагогики. Эта переориентация культурного кода обосновывает коллективную идентичность как всеохватную и универсально действующую <...> Миссионерский пыл культурно конструируемых общностей не просто открывает границы, чтобы впустить посторон-

них, а сам побуждает преодолевать границы и различия: тот, кто оказывает сопротивление культурной миссии, не просто чужд и несовершенен, но и неправилен и *не такой*. Так как он не осознает своей истинной идентичности, в крайних случаях его можно обратить на верный путь *против* его собственной воли. Аутсайдеры рассматриваются в таком случае как пустые, “естественные” объекты, которые могут добиться идентичности и статуса субъекта с помощью усвоения культуры» [Giesen, 1993, S. 62–63].

Конструирование сплоченного общества за счет определения его внешних границ, однако, недостаточно для того, чтобы закрепить за интеллектуалами статус его политических или моральных учителей. В этой связи интеллектуалы обречены создавать границы не только внешние, но и внутренние, оперируя инструментом приписывания культурных различий. Единство и специфика интеллектуалов как социальной группы поддерживаются особыми институциональными механизмами – сложными процедурами образования и внутренних дебатов, которые затрудняют приток в группу (и выход из нее). Формы коммуникаций интеллектуалов многообразны – от монастырского толкования священных текстов и академических диспутов до общения в салоне и общественной полемики. «Лишь немногие избранные, виртуозы, принявшие на себя все испытания и посвятившие себя полностью и без остатка служению возвышенному и священному, могут в конце концов вступить во внутренний круг и лицезреть святых» [Giesen, 1993, S. 64].

Культурное кодирование – это вопрос о приобретении и сохранении власти. Поэтому для интеллектуалов проблема отношений с официальными политическими элитами представляется жизненно важной (Giesen, 1993, S. 71). Из амбивалентности задач рождается противоречивость отношений интеллектуалов с государством. Им приходится балансировать между безоговорочной кооперацией с властью имущими и радикальной оппозицией им, чтобы сберечь свою особость. «Как радикальное несогласие, так и полное сближение следует, впрочем, считать крайностями. Как правило, то обстоятельство, что политическая элита никогда не бывает абсолютно гомогенной и властные конфликты нельзя устранить надолго, дает шансы сложным и ограниченным коалициям между интеллектуалами, с одной стороны, и фракциям политической элиты – с другой» (Giesen, 1993, S. 72–73).

Впрочем, двойственностью отмечены отношения интеллектуалов не только к государству, но и к собственной аудитории, к которой апеллирует интеллектуальное сообщество: «С одной стороны, интеллектуалы жалуются на непонимание публики, которая не разбирается или недостаточно разбирается в их толкованиях, или вовсе отклоняет их. С другой стороны, именно это неприятие создает то типичное напряжение, которое можно воспринимать как интерпретационное преимущество интеллектуального авангарда» [Giesen, 1993, S. 74]. Именно эта специфика в отношении европейских интеллектуалов к своей публике позволила Вольфу Лепениусу определить их как «жалующийся класс» [Lepenies, 1992, S. 300].

Следует подчеркнуть, что во имя обоснования своего исключительного положения интеллектуалы вынуждены держаться в стороне от практических интересов и, тем самым, сосредоточиваться на общих проблемах, отказываться от ответственности за частности, декларируя, вместе с тем, готовность взять на себя ответственность за общность в целом. Следствием такого положения является то, что они редко имеют практический доступ к тому, что интерпретируют. Конструируя и иерархизируя общество, интеллектуалы одновременно выстраивают собственную маргинальность и изолированность: «Интеллектуалы должны изолировать себя не только от других социальных групп, но и от мирских потребностей ситуации и воспроизводить свое “свободно парящее” положение, чтобы приблизиться к описанию социального всеобщего» [Giesen, 1993, S. 85].

Школа Лотмана – сообщество интеллектуалов?

Насколько предложенное описание интеллектуалов может быть полезным для понимания феномена тартуско-московской семиотической школы? С точки зрения содержания ее деятельности школу Лотмана затруднительно интерпретировать в категориях интеллектуализма в гизеновской версии. Приверженцы семиотики в СССР не занимались конструированием больших социальных идентичностей и были строгими профессионалами. Профессионализм был их знаменем, «настоящая», чистая от идеологических примесей наука и соответствующий ей язык – целью и инструментом деятельности. Наука и советская идеология были для них несовместимы: «к концу советского периода в гуманитарных науках профессиональная компетентность и искреннее испове-

дание официальной доктрины были не просто едва совместимы, но почти полярно противоположны друг другу» [Берелович, 2006].

Приверженцы школы Лотмана были увлечены не производством идеологий, а их дешифровкой и культурным анализом. Вместе с тем сама семиотика, особенно на ранних этапах знакомства с ней, была для них своего рода символом веры: они были убеждены во владении «священным» универсальным знанием, открывающим перед наукой беспрецедентные перспективы. И не только перед наукой. Ранняя советская семиотика сама имела идеологический оттенок, поскольку противопоставляла «подлинную» науку официальной «лженауке»: «Семиотика с ее установкой на всеобщее и объективное выглядит странным участником шестидесятнического карнавала. Однако сама тотальность ранней семиотики, с полной бескомпромиссностью рассекавшая традиционные границы между областями знания, идеями и методами, служила иконокластическим отрицанием официально-традиционалистской науки, укорененной в национальных академических традициях и институтах – будь то советский, или французский, или американский академический establishment» [Гаспаров, 1998, с. 218].

Поскольку это знание было междисциплинарным, его носители стремились раздвинуть пределы своей узкой профессиональной компетенции. Математики увлекались лингвистикой и историей, лингвисты – литературоведением и этнологией, литературоведы – кибернетикой и нейрофизиологией. В этом участники тартуско-московской школы близки к интеллектуалам Гизена – носителям знания, лежащего за пределами профессиональной компетенции.

В описанной Б. Гизеном организации и коммуникативных процедурах интеллектуальных сообществ обнаруживаются характеристики, в еще большей степени пригодные для описания школы Лотмана. Особенно это касается обеспечения самоизоляции и дистанцирования от власти, официальной науки и официальной ученой аудитории с целью сохранения своей автономии. «Полное отвержение и игнорирование советских научных условностей и приличий» [Левин, 1998, с. 310] нашло отражение в деятельности участников тартуско-московского направления. Упомянутый ранее научный иконоклазм запечатлелся в стиле многих публикаций 1960-х гг., авторы которых традиционному советскому цитированию классиков марксизма-ленинизма, советских вождей и решений коммунистической партии предпочитали разбор произведений опальных деятелей литературы и искусства и ссылки на зарубежную литературу.

Научная коммуникация приверженцев тартуско-московской семиотики также выстраивалась на принципиально иных основаниях, чем в официальной советской университетской среде. Участники летних школ в Эстонии единодушно отмечали царившую там атмосферу равноправия, доброжелательности и свободы, которая контрастировала с характерными для «нормального» советского университета зависимостью от государства и дефицитом свободы преподавания и учебы, коллективизмом и строгой иерархией жизни студенческой группы и университетской кафедры, патриархальными отношениями между преподавателями и студентами, школярскими методиками преподавания и незнанием состояния международной науки, игнорированием новинок в области методологии и незнанием иностранных языков [Wulff, 2004, S. 886–893].

Организация научных форумов также принципиально отличалась от официальных практик. Индивидуальное приглашение по личным каналам вместо широкого оповещения, ограничение состава участников вместо организационной гигантомании, свободная дискуссия вместо заорганизованных пленарных докладах и секционных заседаний, специфический язык общения вместо полного псевдомарксистских штампов официального советского языка.

Все это определяло границы интеллектуальных сообществ, затрудняющие проникновение в них. Конечно, герметичность школы Лотмана была иной, чем, скажем, в монашеском ордене или в подпольной революционной группе. Но она принципиально отличалась от советских процедур поддержания целостности организации. Участники летних школ, приглашенные по личным каналам, поражались демократизму в поведении М.Ю. Лотмана и известных исследователей семиотики. В то время как на пути перевода из одного советского университета в другой стояли серьезные бюрократические барьеры, частного разговора иногороднего студента с Лотманом могло быть достаточно для того, чтобы перевестись в Тартуский университет¹. Однако эта инаковость практик создавала барьеры и отталкивала не принятых в круг посвященных, превращая их в вольных или невольных союзников государства и официозной науки. Формирование ученого сообщества по принципу размежевания с официальной наукой заставило А. Береловича задаться законным вопросом:

«Если это не советские кандидатские „корочки“, то достаточно ли противостояния официозу, чтоб быть зачисленным в состав „настоящей науки“? Ведь именно по этой логике на страницах очень уважаемых „Трудов по знаковым системам“ в начале 1980-х годов появились одни из первых публикаций Фоменко по „новой хронологии“» [Берелович, 2006].

Упомянутая аполитичность московско-тартуской школы также казалась ее участникам залогом свободы научного творчества: «...Для ученых Тартуско-московской школы принципиальна была установка на то, что они занимаются делом, стоящим вне политики. Такая позиция давала ощущение свободы, так как борьба с советской системой... делала человека зависимым от этой же системы» (Кузовкина, 2015, с. 151).

Конечно, эта самоизоляция не была абсолютно герметичной. Она требовала от участников и руководителей школы, в первую очередь от Ю.М. Лотмана, усилий и времени на демонстрацию политической лояльности. Известно, что «Лотман действительно блестяще умел составлять отчеты и тексты, репрезентирующие лояльное отношение к советской идеологии» [Кузовкина, 2015, с. 151]. Следы такой камуфлирующей работы видны и в его публикациях. Открыв книгу Лотмана «Структура художественного текста» 1970 г., читатель сразу же видел редакционную аннотацию следующего содержания: «Естественно, что семиотический подход к художественному тексту (как подчеркивает и сам автор) ни в коей мере не исчерпывает анализа произведений искусства, изучаемых марксистско-ленинской эстетикой в гносеологическом, социологическом, аксиологическом и других планах» [Лотман, 1970, с. 2].

Условной была не только самоизоляция школы Лотмана, но и ее аполитичность. Современникам университет в Тарту казался островом свободы, а Лотман – символом либерализма. И он, и его ближайшее окружение были связаны с диссидентской средой и правозащитным движением [Кузовкина, 2015, с. 140–153; Гаспаров, 1998, с. 218–219]. Западнические тенденции в творчестве Ю.М. Лотмана и его соратников имели явный политический привкус. Последняя книга Лотмана заканчивается фразой, не оставляющей сомнений в его политических пристрастиях, надеждах и опасениях, касающихся будущего России: «Коренное изменение в отношениях Восточной и Западной Европы, происходящее на наших глазах, дает, может быть, возможность перейти на общеевропейскую тернарную систему и отказаться от идеала разрушать „старый мир до основания, а затем“ на его развалинах строить новый. Пропустить эту возможность было бы исторической катастрофой» [Лотман, 1992, с. 270].

Итак, школа Лотмана была вполне европейским явлением, возникшим и развивавшимся по общеевропейским принципам формирования и существования интеллектуальных сообществ. Ее создатели в качестве объединяющих содержательных оснований выдвинули идеи, поразительно схожие с гипотезами, разрабатывавшимися 1950-е – 1960-е гг. в США и Западной Европе на базе наследия Ф. Соссюра и возрожденного Р. Якобсоном формализма. Ее организация, как и на Западе, базировалась на дистанцировании от официальной политики и науки. Ее самоизоляция и научное иконоборчество поддерживались специфическим языком, понятным немногим посвященным в мире, но чужим для ученого сообщества в собственной стране. Герметичности школы способствовали также собственный стиль научного письма и скрытые от посторонних глаз научные встречи.

Но были у тартуско-московской школы особенности, сложившиеся благодаря специфическим, советским, условиям существования. Дистанцирование от власти усугублялось враждебно-подозрительным отношением последних к группе приверженцев семиотики. Сам переезд Ю.М. Лотмана из Ленинграда в Тарту был не вполне добровольной реакцией на поздний антисемитизм в СССР. Недоброжелательное отношение и подозрение, угроза преследований и преследования вплоть до обыска в 1970 г. в квартире Лотмана и его негласного лишения возможности зарубежных поездок на полтора десятилетия [Кузовкина, 2015, с. 140–153], его вынужденный уход с заведования кафедрой русской литературы и с самой кафедры в 1970-е – 1980-е гг., запоздалое и недостаточное официальное признание в научном сообществе – все это усиливало желание самоизолироваться, чтобы сохранить свободу. Неблагоприятные внешние условия породили тягу к специфическому, непонятному для цензуры «тайному» языку и нежелание участвовать в политике, провоцировали на конструирование научных традиций в обход традиций советских и на союзы с авторами сомнительных идей. Стремление к самоизоляции вкупе с ограничениями научной коммуникации, неизбежными в условиях «железного занавеса», могут рассматриваться и как одними из

причин того, что участники школы Лотмана не заметили или проигнорировали ряд продуктивных научных идей, подготовивших антропологический поворот в гуманитарных науках.

Один из родоначальников семиотического направления исследований в СССР, В.Н. Топоров, охарактеризовал свое детище как явление советской культуры и задался горьким вопросом: «В известном отношении оно было и неким новым способом существования у *бездны на краю*, когда эта опасная близость не столько страшит, сколько вдохновляет и открывает новые горизонты и возможности. По сути дела, это был „российский“ вариант решения некоей большой культурной проблемы, который поразил многих и здесь, и особенно там, вовне, за границей, и породил эйфорическую реакцию. Но не слишком ли расточителен этот вариант и не слишком ли дорого приходится платить за успехи на этом пути?» [Топоров, 1998, с. 347].

Жизнь школы Лотмана оказалась не столь долговечной, как предполагали ее сторонники, надеявшиеся в 1990-е гг. на ее возрождение в новых, несравненно более благоприятных условиях постсоветского пространства. С крахом СССР разрушилась специфическая рамка полулегальности и оппозиционности, обеспечивавшая школе Лотмана дополнительную притягательность в глазах молодых ученых-неконформистов. Постструктурализм М. Фуко, Ж. Дерриды и Ж. Лакана нанесли традиционной, позитивистской структуральной семиотике сокрушительный удар, а антропологический поворот в гуманитарных науках в 1970-е–1990-е гг. позволил предложить совершенно иную парадигму истолкования культурных практик. Сами участники тартуско-московского направления, включая Ю.М. Лотмана, на исходе 1960-х – в 1970-е гг. стали перерастать классическую семиотику, в их творчестве начали проявляться элементы постструктурализма. В 1980-е–1990-е гг. этот процесс усилился в связи с выездом из страны многих представителей школы Лотмана.

Ныне многое из ее наследия, включая труды Ю.М. Лотмана, кажется устаревшим, например, оценка роли выдающейся личности в истории или тезис о российской традиции разрушения как условия культурного обновления. Но идеи Лотмана и его сподвижников о языке, коммуникации и культурной динамике звучат современно. Они нуждаются в актуализации и интеграции в современный научный багаж [Франк, 2012]². А история организационных структур и коммуникативных норм и практик тартуско-московской семиотической школы демонстрирует, как оформляется и функционирует общемировой интеллектуальный феномен в контексте конкретно-исторической культурной традиции.

Примечания

¹ Так случилось, например, со студентом исторического факультета Челябинского государственного университета Евгением Пермяковым, в 1982 г. воспользовавшимся летней музейно-экскурсионной практикой для установления контактов с Ю.М. Лотманом. URL: <http://otipl.philol.msu.ru/~imk/structure/dep-rusculture/permiakov/> (дата обращения: 28.07.2017).

² См.: Франк С.К. Взрыв как метафора культурного семиозиса // НЛЮ. 2012. № 115. С. 12–30.

Библиографический список

- Берелович А.* О культе личности и его последствиях (заметки о позднесоветском интеллектуальном сообществе) // Новое литературное обозрение. 2006. № 76. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/76/be3.html> (дата обращения: 30.06.2016).
- Гаспаров Б.М.* В поисках «другого» (Французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х гг.) // Московско-тартуская семиотическая школа: История, воспоминания, размышления / под ред. С.Ю. Неклюдова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 213–236.
- Егоров Б.Ф.* Жизнь и творчество М.Ю. Лотмана. М.: Новое литературное обозрение., 1999. 384 с.
- Живов В.М.* Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения // НЛЮ. 2009. № 98. С. 11–26.
- Жолковский А.* К переосмыслению канона: советские классики-неконформисты в постсоветской перспективе // НЛЮ. 1998. № 29. С. 55–68.
- Зенкин С.* Уровень совокупного знания // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77> (дата обращения: 25.07.2016).
- Кван К.С.* Основные аспекты творческой эволюции Ю.М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личностность». М.: НЛЮ, 2003. 176 с.

- Кузовкина Т.* Один день профессора Ю.М. Лотмана // *Новый мир*. 2015. № 3. С. 140–153.
- Левин Ю.И.* «За здоровье Ее Величества!» // *Московско-тартуская семиотическая школа: История, воспоминания, размышления* / под ред. С. Ю. Неклюдова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С.309–311.
- Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 282 с.
- Франк С.К.* Взрыв как метафора культурного семиозиса // *Новое литературное обозрение*. 2012. №. 115. С. 12–30.
- Giesen B.* Die Intellektuellen und die Nation: eine deutsche Achsenzeit. Frankfurt/M., 1993. 280 S.
- Giesen B.* Kollektive Identität: Die Intellektuellen und die Nation 2. Frankfurt/M., 1999. 360 S.
- Hroch M.* Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Entwicklung der patriotischen Gruppen, Universitata-Karlova. Praha. 171 S.
- Lepenies W.* Aufstieg und Fall der Intellektuellen in Europa. Frankfurt/M.; New York, 1992. 95 S.
- Waldstein M.* Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics. Saarbrücken: VDM Verlag, 2008. 219 p.
- Wulff D.* Wissenschaftskultur in Russland am Beispiel der Geschichtswissenschaften // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 2004. 52/10. S. 886–893.

Дата поступления рукописи в редакцию 20.06.2017

LOTMAN'S SCHOOL: EUROPEAN INTELLECTUALS ON THE SOVIET SOIL

I. V. NarSKIY

South Ural State University (National Research University), Lenin ave., 76, 454080, Chelyabinsk, Russia
inarsky@mail.ru

The article represents the attempt of interpretation of the Tartu–Moscow School as the European phenomenon and at the same time as the Soviet one. Using ideal and typical intellectuals' characteristic, stated systematically in the researches of German sociologist Bernhard Giesen, the author concludes that the organization and communicative procedures of intellectual societies described by Giesen may be applicable for the description of Lotman's school. Especially, it means the support of self-isolation and distance from the authority, official science and official academic audience to preserve the autonomy. Along with that, the Tartu–Moscow School had special features, formed due to specific Soviet existence conditions. Among them, there was distance from the authorities worsened by hostile and suspicious attitude of the authorities to the group of the adherents of semiotics. Such attitude, the threat of persecutions and real persecutions increased their desire for self-isolation to keep freedom. Adverse external conditions increased thirst for specific, incomprehensible to censorship, “secret” language and unwillingness to participate in politics. They also provoked construction of academic traditions in circumvention of the Soviet traditions and the alliances with the authors of doubtful ideas. Desire for self-isolation together with the restrictions of academic communication, inevitable in conditions of the “Iron Curtain”, can be observed as one of the possible reasons for the fact that the participants of Lotman's school did not mention or ignored several efficient academic ideas that prepared an anthropological turn in the Humanities.

Key words: intellectuals, the Tartu–Moscow Semiotic School / «Lotman's school», cultural encoding, academic communication.

References

- Berelovich, A. (2006), “About personality cult and its aftermath (notes about the late Soviet intellectual society)”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 76, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/76/be3.html> (accessed 30.06.2016).
- Egorov, B.F. (1999), *Zhizn i tvorchestvo Yu.M. Lotmana* [Life and creative work of Yu.M. Lotman], NLO, Moscow, Russia, 384 p.
- Frank, S.K. (2012), “Explosion as a metaphor of cultural semiosis”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 15, pp. 12–30.
- Gasparov, B.M. (1998), “In search of «the different» (French and East European semiotics at the turn of the 1970s)”, in Nekljudov, S. Yu. (ed.), *Moskovsko-tartuskaya semioticheskaya shkola: Istoriya, vospominaniya, razmyshleniya*, Shkola “Yazyki russkoy kultury, Moscow, Russia, pp. 213-236.

- Giesen, B. (1993), *Die Intellektuellen und die Nation: eine deutsche Achsenzeit*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt/M., Germany, 280 p.
- Giesen, B. (1999), *Kollektive Identität: Die Intellektuellen und die Nation 2*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt/M., Germany, 360 p.
- Hroch, M. (1968), *Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Entwicklung der patriotischen Gruppen*, Universitáta-Karlova, Praha, Czech Republic, 171 p.
- Kuzovkina, T. (2015), "A day of professor Yu.M. Lotman", *Novyy mir*, № 3, pp. 140–153.
- Kvan, K.S. (2003), *Osnovnye aspekty tvorcheskoy evolutsii Yu.M. Lotmana: „ikonichnost“, „prostranstvennost“, mifologichnost“, „lichnostnost“* [Main aspects of creative evolution of Yu.M. Lotman: „iconicity“, „spatiality“, „mythicalness“, „personhood“], NLO, Moscow, Russia, 176 p.
- Lepenies, W. (1992), *Aufstieg und Fall der Intellektuellen in Europa*, Campus, Frankfurt/M.–N.Y., Germany-USA, 95 p.
- Levin, Yu.I. (1998), „To the health of Her Majesty!“, in Nekljudov, S. Yu. (ed.), *Moskovsko-tartuskaya semioticheskaya shkola: Istoriya, vospominaniya, razmyshleniya*, Shkola "Yazyki russkoy kultury, Moscow, Russia, pp. 309–312.
- Lotman, Yu. M. (1970), *Struktura chudozhestvennogo teksta* [The structure of literary text], Iskusstvo, Moscow, Russia, 384 p.
- Lotman, Yu. M. (1992), *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion], Gnozis, Moscow, Russia, 272 p.
- Toporov, V.N. (1998), "Instead of recollections", in Neklyudov, S. Yu. (ed.), *Moskovsko-tartuskaya semioticheskaya shkola: Istoriya, vospominaniya, razmyshleniya*, Shkola "Yazyki russkoy kultury, Moscow, Russia, pp. 330–347.
- Waldstein, M. (2008), *Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics*, VDM Verlag, Berlin, Germany, 219 p.
- Wulff, D. (2004), „Wissenschaftskultur in Russland am Beispiel der Geschichtswissenschaften“, *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, № 52/10, pp. 886-893.
- Zenkin, S. (2006), "Standard of total knowledge", *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 77, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77> (accessed 25.07.2016).
- Zhivov, V.M. (2009), "The Tartu–Moscow semiotics: its progress and restrictions", *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 98, pp. 11–26.
- Zholkovskiy, A. (1998), "To the canon reconsideration: Soviet classics-nonconformists in post-Soviet prospects", *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 29, pp. 55–68.